

ФИЛОСОФИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ. ТЕОРИЯ ПРАВА. ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА

Николай Игнатьевич Матузов

Профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации
E-mail: unatascha@yandex.ru

Обязанности человека и гражданина как условие демократии и социальной стабильности

Аннотация: в статье рассматривается проблема соотношения обязанностей и прав человека в современной России и в мире, вопросы, связанные с умалением первых и восхвалением вторых, причины указанного дисбаланса, пути его преодоления. Подчеркивается, что подлинная (реальная) демократия невозможна не только без обеспечения прав и свобод, но и без обязанностей и ответственности. Именно сочетание этих двух сторон способно обеспечить должный правопорядок и социальную стабильность в обществе.

Ключевые слова: права, обязанности, ответственность, свобода, культура, демократия, закон, конституция, власть, политика, государство.

Nikolay Ignatyevich Matuzov

Professor of Department of theory of state and law of the Saratov State Law Academy, Doctor of legal sciences, Honored Scientist of the Russian Federation

The Duties of Man and Citizen as a Condition of Democracy and Social Stability

Annotation: the article considers the problem of correlation between responsibilities and human rights in modern Russia and in the world, the issues related to the diminishing of the former and praising the latter, the reasons of mentioned imbalance, the way to overcome it. It is emphasized that genuine (real) democracy is impossible not only without rights and freedoms, but no responsibilities. The combination of these two parts is capable to provide appropriate legal order and social stability in the society.

Keywords: rights, obligations, responsibility, freedom, culture, democracy, law, constitution, power, politics, state.

Мысль о том, что демократия предполагает наличие не только прав, но и обязанностей, сама по себе хрестоматийна, но от этого она не перестает быть вечно актуальной и практически значимой. Более того, когда эта бесспорная истина предается забвению, возникают серьезные проблемы. Ясно, что если бы все имели только права, но никто не выполнял никаких обязанностей, демократия была бы уничтожена, воцарился бы хаос. Обязанности

скрепляют, цементируют демократию, делают ее более прочной, устойчивой и жизнеспособной. Без обязанностей невозможна сколько-нибудь упорядоченная, нормальная человеческая жизнь. Это значит, что социальная ценность обязанностей ничуть не меньше, чем ценность прав.

Обязанности — непререкаемый атрибут зрелого правосознания, когда отдельный индивид понимает, что права и свободы одного кончаются там, где начинаются права и свободы другого. «Люди, не ведающие своих обязанностей, — писал И. А. Ильин, — не в состоянии блюсти их; люди, не знающие своих полномочий, произвольно превышают их или же трусливо уступают силе; люди, не желающие признавать запретностей, легко забывают всякий удерж и дисциплину или оказываются обреченными на правовую невменяемость»¹.

Создается впечатление, что именно это и происходит сейчас в России. На одном конце демократической оси — предельно широкий «ассортимент» прав и свобод; на другом — гораздо меньший по объему, слабо отраженный в законодательстве перечень обязанностей и ответственности. Эта жизненно важная ось не уравновешена, имеет опасный крен в сторону прав и свобод, которые явно доминируют. К тому же ими довольно часто злоупотребляют. Общественное сознание, массовые настроения людей чутко улавливают этот дисбаланс и ведут себя соответственно.

А. И. Солженицын, например, считал что «понятие свободы у нас вознесено до полного отрицания обязанностей и до свободы от всякой ответственности. А между тем мы только до той грани — человеческие существа, пока чувствуем на себе, над собою наш долг»². Как никогда стало очевидно, что без обязанностей и ответственности личности не может быть ни подлинной демократии, ни подлинной свободы, ни должной стабильности.

Отрадно, что сегодня эту аксиому начинают осознавать представители нашей интеллектуальной элиты. Так, известный кинорежиссер и общественный деятель А. Кончаловский убежден: «Культура — это прежде всего свод обязанностей, а не прав. И чем древнее культура, тем более устойчивы эти обязанности индивида. Мы же по-прежнему воспеваем права»³. Примерно такие же идеи А. Кончаловский высказал в своем выступлении в Совете Федерации ГД РФ 8 апреля 2015 г.⁴ В других своих статьях, интервью он неизменно подчеркивает, что подлинная культура начинается с соблюдения разумных табу, запретов, ограничений как внешнего, так и внутреннего характера (самоограничения). Права и свободы, дозволения и разрешения у него всегда стоят на втором, а не на первом месте.

Когда недавно ушел в мир иной всемирно известный руководитель Сингапура, вся наша пресса, отдав должное этому действительно выдающемуся деятелю, стала во всех подробностях расписывать порядки и его стиль управления своим небольшим государством. И при этом не слишком обращала внимание на то, что в основе созданного им «Эльдорадо» лежали не права и свободы человека, не «суверенная» демократия, а хорошо продуманная система «деяний и воздаяний», т. е. всевозможных табу, запретов, ограничений, обязанностей,

¹ Ильин И. А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 24.

² Солженицын А. И. Россия в обвале. М., 1998. С. 47.

³ См.: Кончаловский А. С. Разговор о прогрессе и культуре // Российская газета. 2010. 4 авг.

⁴ См.: Шифровка от Кончаловского // Российская газета. 2015. 9 апр.

а также неотвратимость наказания за их несоблюдение. Бросил окурочок мимо урны — штраф, плюнул в неположенном месте — штраф, превысил скорость на автотрассе — более серьезные последствия. При повторных нарушениях можно и за решетку угодить, не говоря уже о таких деяниях, как взятки, воровство, мошенничество и т. д. «Воздаяния» не могли избежать даже ближайšie родственники и друзья руководителя государства. Закон суров и неумолим, правосудие работает четко, быстро и справедливо. Люди выработали привычку соблюдать предписанные нормы и правила жизни.

И. А. Ильин писал: «Освободи себя сам внутренне посредством добровольного самообязывания и только после этого ищи свободы через закон и под законом»¹. Упор на закон в данном случае более чем уместен, ибо еще Дж. Локк заметил: «Там, где нет законов, там нет и свободы»².

По поводу состояния культуры и норм поведения в современной России весьма откровенно выразился такой опытный политик и государственный деятель, как Рамазан Абдулатипов: «Необходимо в корне менять нашу нынешнюю культурную среду, которая воспроизводит людей, настроенных “пожрать”, “поиметь” и “оторваться”, но при этом отчужденных от интересов общества, государства, от опыта социального бытия своего народа»³.

В чем причины такого положения? Как показывает мировой опыт, определенный разрыв между правами и обязанностями свойствен всем правовым системам, поскольку непосредственные интересы, запросы, потребности людей получают свое воплощение прежде всего в правах, а уже потом — в обязанностях. Однако в нашей стране этот разрыв принял, как и многое другое, гипертрофированные формы. Идеология прав человека заслонила собой все другие не менее важные ценности: справедливость, равенство, честь, достоинство, безопасность, гордость, стыд, совесть, дружбу, преданность, доброе имя и др. Как известно, в свое время, защищая свою честь, погибли Пушкин, Лермонтов. Вот что ценилось превыше всего! Невольно вспоминаются слова того же И. А. Ильина: «Жить надо ради того, за что можно умереть»⁴.

Период российской реформации, особенно на начальном его этапе был периодом безудержного демократического романтизма. И на волне этой всеобщей эйфории, после многих десятилетий бесправия, репрессий, беззакония хотелось побыстрее избавиться от ненавистных пут административно-командной системы, произвола, провозгласить как можно больше всевозможных прав и свобод, что и было сделано. Общество было целиком поглощено правами, забыв о другой стороне диалектического единства.

В политологической литературе и в прессе не раз отмечалось, что в 1990-е гг. общественная позиция «мы лучше всех» поменялась на противоположную — «мы хуже всех». И надо теперь все делать как «у них». Вот и старались «догнать и перегнать». Поэтому можно понять сетования белорусской писательницы Светланы Алексиевич: «Мы очень грубо обошлись со своим прошлым. Все разрушили без серьезных мыслей и планов на будущее»⁵.

¹ Ильин И. А. Почему мы верим в Россию. М., 2006. С. 319.

² Локк Д. Избранные философские произведения. М., 1960. Т. 2. С. 34.

³ См.: Абдулатипов Р. Культурная повестка России // Российская газета. 2014. 15 янв.

⁴ Ильин И. А. Порядок или беспорядок? М., 1917. С. 25.

⁵ См.: Российская газета. 2013. 11 сент.

В действующей российской Конституции раздел о правах выглядит весьма внушительно и, по мнению многих, является ее «украшением». Он и в самом деле представлен достойно. В него записали все, что только можно было записать, перелистывая известные международные акты о правах человека и дословно копируя их, не думая о том, а можно ли все эти права реализовать в родном Отечестве? Государство добровольно взяло на себя обязательство уважать, соблюдать и защищать «широкие» права. Выполняет ли оно эти свои обязательства? К сожалению, нет. Во всяком случае, далеко не все. В 1991 г. была провозглашена российская декларация прав человека и гражданина, о которой все давно забыли.

Об обязанностях тогда никто особо не задумывался, ибо они казались делом третьестепенным и не очень-то нужным. Все были зациклены на правах, им «слагали гимны», ими гордились, восхищались, их объявили высшей ценностью. И этот во многом стихийный энтузиазм можно было понять — ведь речь шла о ломке старых устоев, о стремлении освободиться, как уже говорилось, от партийно-идеологических тисков, тотального контроля. Все это составляло одну из приоритетных задач демократических преобразований, было главным вектором развития и обновления России.

По инерции указанная тенденция продолжала действовать и в последующие годы. До сих пор права человека, особенно такие как свобода слова, печати, собраний, митингов, информации, политический плюрализм и другие, находятся в центре общественного внимания. О них много говорят и пишут, они постоянно у всех на слуху. Обязанности же — по-прежнему в тени, о них не вспоминают, не спорят, как будто такого института не существует. Все требуют только прав (которых, как шутят некоторые публицисты, уже на всех не хватает) и желательно без всяких ограничений. *Объективно произошла некая абсолютизация и фетишизация прав, превращение их в самоцель.*

Характерно, что в докладе Уполномоченного по правам человека в РФ за 2014 г. нет ни единого слова об обязанностях граждан, чиновников и госструктур. Хотя без них (обязанностей) не могут быть реализованы никакие права¹.

Трудно не согласиться с мнением венгерского ученого-правоведа Й. Вига о том, что «чрезмерное внимание к правам и оттеснение на второй план обязанностей человека, так же как и осуществление прав любой ценой, неблагоприятно влияет на отношения индивида и общества»².

Не в этом ли одна из причин той вседозволенности, анархии, беспредела, которые мы нередко наблюдаем сегодня в обществе? Не поэтому ли многие замечательные права, провозглашенные в Конституции, практически не осуществляются, остаются на бумаге? Ведь хорошо известно, что добросовестное исполнение каждым своих обязанностей — первое условие и гарантия успешной реализации прав. «Обязанности и запретности укрепляют массовое правосознание, позволяют людям лояльно пользоваться своими правами и полномочиями»³.

¹ См.: Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2014 год // Российская газета. 2015. 7 мая.

² Виг Й. Соотношение прав и обязанностей человека и проблемы преступности // Государство и право. 1995. № 7. С. 45.

³ Ильин И. А. Порядок или беспорядок? М., 1917. С. 23, 24.

Весьма четко эту мысль выразил В. О. Ключевский: «Права без обязанностей — юридическая нелепость»¹. О важном значении обязанностей писал еще Цицерон².

Обязанности — необходимое условие оптимального взаимодействия государства, общества и личности. Без этого компонента невозможны ни сбалансированная политико-правовая система, ни эффективное правовое регулирование, ни четкий и разумный правопорядок, ни другие состояния и проявления общественной жизни. Обязанности — залог нормального функционирования конституционных институтов, управления социальными и экономическими процессами, поддержания устойчивости, дисциплины и стабильности в обществе. Причем это касается и рыночных условий. В Конституции ФРГ, например, записано: «Собственность обязывает». Подобные формулировки содержатся в Конституциях Японии, Испании, Италии и других стран.

Нельзя не отметить, что и в советской и постсоветской юридической литературе обязанностям уделялось неизмеримо меньшее внимание, чем правам. Последним посвящены сотни работ (монографий, диссертаций, сборников, материалов конференций, бесчисленное количество статей), в то время как обязанностям — единицы. В этом смысле им «не повезло». Поэтому логичным и своевременным было появление публикации А. И. Бойко по данной проблеме³.

Конечно, различные аспекты юридических обязанностей так или иначе затрагивались и затрагиваются в работах по теории права, правоотношений, правового статуса личности и другим юридическим проблемам. Но именно затрагивались, упоминались как бы мимоходом, вскользь. Однако крупных самостоятельных исследований по данной тематике практически нет. Отрадным исключением можно считать монографию конституционного судьи в отставке Б. С. Эбзеева⁴.

За последние 30 лет по теории государства и права были защищены только три кандидатские диссертации, посвященные обязанностям (В. Г. Левченко, Б. М. Семенко, К. Е. Хачатуров) и ни одной докторской. Проведена одна специальная конференция⁵. Имеются отдельные публикации и диссертационные разработки в отраслевых правовых науках.

Между тем обязанности лежат в основе правопорядка, который, в свою очередь, выступает юридическим фундаментом любой демократической государственной власти, всей системы управления обществом. Характерно, что еще в 1997 г., когда эйфория от разгула «демократуры» несколько спала, российская власть «спохватилась», и потому очередное президентское послание Федеральному Собранию было целиком посвящено наведению порядка

¹ Ключевский В. О. Собр. соч. Т. 9. М., 1990. С. 65.

² См.: Цицерон М. Т. Об обязанностях. СПб., 1903.

³ См.: Бойко А. И. О естественности правовых обязанностей и некорректности возвеличивания субъективных прав // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 1; см. также: Черноморец Е. А. Корреспонденция прав и обязанностей граждан и государства в категории «свобода» // Там же.

⁴ См.: Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М., 2007; см.: *Его же*. Человек, народ, государство в конституционном строе России. М., 2005.

⁵ См.: Вопросы теории юридических обязанностей : тезисы межвуз. науч. конференции молодых ученых-юристов. Воронеж, 1988.

в стране, устранению всяких беспределов. Одно название послания говорило само за себя¹. В нем глава государства вынужден был заявить: «Сегодня именно управленческую сферу я объявляю зоной повышенного внимания, приоритетом номер один среди всех направлений текущей политики. У этого приоритета есть простое короткое имя — **Правовой порядок**» (выделено нами. — Н. М.).

Думается, указанный приоритет и в наши дни является задачей номер один, более того, злободневность проблемы даже возросла, ибо должного порядка во власти как не было, так и нет. Нет и полноценной легитимности власти со всеми ее ветвями и структурами, в которых процветает правовой и моральный нигилизм, безответственность, коррупция. Поэтому система власти нуждается в модернизации не меньше, чем экономика, производство, рынок. А может быть, даже прежде всего.

Корреляция прав и обязанностей создает уравновешенное общественное состояние, иначе говоря, режим наибольшего благоприятствования для нормальной повседневной жизнедеятельности людей. Такое сочетание выражает разумный баланс интересов всех членов и составных частей общества, способствует достижению согласия, взаимопонимания и социального компромисса между ними. Это — средство гармонизации интересов государства, общества и личности, а также интересов граждан в их взаимоотношениях друг с другом. Иным путем добиться желаемого социального эффекта невозможно.

Юридическая обязанность — вид и мера государственно-целесообразного, разумного, полезного, объективно необходимого поведения субъектов, призванного вносить порядок и «умиротворение» в жизнь. Она — законная преграда на пути произвола, хаоса, своеволия, неорганизованности, всего деструктивного и мешающего нормальному развитию общества. Перед нами *властно-повелительная* форма социальной регуляции, опирающаяся на «силовое» начало, т. е. на возможность «заставить», принудить, наказать.

Принудительный момент, момент императивности отличает юридическую обязанность от субъективного права. «Если известный минимум обязанностей, — писал русский ученый-правовед П. Г. Виноградов, — считается необходимым для существования общества, то на соблюдении его приходится настаивать во что бы то ни стало, не останавливаясь в крайнем случае даже перед употреблением силы»². В этом смысле не зря говорят: идея прав человека вовсе не противоречит идее сильной политики. Общее благо и порядок власть вынуждена нередко защищать и таким путем. И это не исключает демократии. Н. М. Коркунов эту мысль выразил так: «Если бы все общество состояло из людей святых, принуждение было бы совершенно излишне: каждый бы и так уважал чужое право и выполнял свои обязанности»³.

Юридическая обязанность тесно связана с субъективным правом; это парные, взаимозависимые понятия. Известно, что любая правовая норма имеет *предоставительно-обязывающий* характер и уже поэтому предусматривает как юридически *возможное*, так и *должное* поведение. Обязанность — способ обеспечения прав, условие их реальности и эффективности. Если субъективное

¹ См.: Порядок во власти — порядок в стране : послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 1997. 7 марта.

² Виноградов П. Г. Очерки по теории права. М., 1915. С. 17.

³ Коркунов Н. М. Лекции по теории права. СПб., 1909. С. 70.

право — это сфера власти и свободы индивида, то юридическая обязанность — область необходимости и подчинения. Носитель обязанности должен понимать и сознавать свою «несвободу» и связанность ради общего блага.

В обязанностях выражаются как личные, так и общезначимые интересы. Через обязанность удовлетворяется интерес управомоченного в любом правоотношении. Но обязанность отвечает также интересам самого правообязанного лица, а в конечном счете — целям и задачам всей политико-правовой системы. Без этих инструментов общество быстро превратилось бы в некий рыхлый и неуправляемый «анархо-синдикат» (Р. З. Лившиц). Обязанности придают обществу гражданскую устойчивость, равнозначную *экологическому равновесию*.

Функциональное назначение юридических обязанностей — корреспондировать субъективным правам, выполнять свою часть работы в общем механизме правового регулирования, направлять поведение индивидов в нужное русло, а социальное — формировать должное правосознание и правовую культуру граждан, служить дисциплинирующим фактором, упрочивать законность и правопорядок в обществе. Сущность обязанности заключается в *необходимости* требуемого законом поведения.

Все эти функции тесно взаимосвязаны и взаимозависимы, осуществляются одновременно. Любые субъективные права практически могут быть реализованы только через чьи-то обязанности, и наоборот, обязанности предполагают чье-то право требовать их исполнения. Вне корреляции друг с другом данные категории немыслимы, они могут действовать только в «одной связке», а не порознь. Обязанности — обратная сторона прав.

Любопытное мнение высказал Г. Г. Бернацкий по поводу содержания ст. 2 Конституции РФ, в которой говорится, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Ученый полагает: «При буквальном толковании этой статьи получается, что она постулирует ценности классического либерализма — индивидуализм, подчиненность интересов государства интересам личности, доминирование частного блага над общим»¹.

Далее автор обращает внимание на то, что в настоящее время ни в одной конституции мира подобных формулировок нет. Права балансируются с обязанностями, те и другие рассматриваются как равновеликие сущности. Личность и государство взаимно ответственны, их важность, приоритетность одинаковы, тесно взаимосвязаны. Вообще на Западе сейчас уже многие аналитики признают, что права человека вовсе не обязательно первичны по отношению к правам общества и государства. И сомнения в их первостепенной важности и ценности возникли не вчера. Так, еще в 1985 г. немецкий ученый-правовед Бюхнер-Удер выпустил книгу под названием: «Права человека: утопия или реальность»².

Установление гармоничного сочетания прав и обязанностей было важнейшим требованием отечественной общественной мысли. Значение этого принципа хорошо понимали, в частности, русские декабристы. Они, помимо прочего, выдвигали идеи о том, что всякое государство может существовать «лишь на основе равновесия взаимных обязанностей и взаимных прав» (П. И. Пестель); что «невозможно согласиться с положением, когда все права

¹ Бернацкий Г. Г. Что является высшей ценностью в обществе и государстве? // История. Право. Политика. 2011. № 2. С. 64–66.

² См.: Права человека: Утопия или реальность? : пер. с нем. М., 1985.

находятся на одной стороне, а все обязанности — на другой» (Н. М. Муравьев)¹. Такая постановка вопроса имела в то время огромное значение для пробуждения политико-правового сознания народных масс.

Многие корифеи науки не раз подчеркивали мысль о том, что без обязанностей человечество не может разумно организовать свою жизнь. В частности, Шарль Монтескье писал: «Если бы я мог сделать так, чтобы люди получили новые основания полюбить свои обязанности, свое отечество и свои законы, чтобы они почувствовали себя более счастливыми во всякой стране... я считал бы себя счастливейшим из смертных»². Другие просветители также исходили из того, что не права, а обязанности лежат в основе жизни человека.

Французский правовед Леон Дюги, например, полагал, что «никто в социальном мире не имеет никакой власти, кроме как исполнять то, к чему обязывает его социальная норма, или, если угодно, к чему обязывает его положение, занимаемое им в системе взаимозависимостей, соединяющих членов одной социальной группы»³. Правда, Л. Дюги зашел слишком далеко в абсолютизации обязанностей, придя к полному отрицанию субъективных прав; он заменил их понятием *социальных функций*.

Однако ясно, что каким бы высоким статусом ни обладали обязанности, какую бы важную роль ни играли в общественной жизни, они все же не должны вести к отрицанию или умалению прав индивида. Иначе можно впасть в другую крайность. Речь должна идти не о противопоставлении прав и обязанностей, а об их взаимодействии, корреляции, равном внимании к ним, о том, чтобы они заняли подобающее место в системе «личность — семья — общество — государство — социальная группа». Именно так ставился вопрос в исторических исследованиях данной проблемы⁴. Об этом писал в своем знаменитом трактате Цицерон, а также Т. Гоббс в не менее известном труде «О гражданине»⁵.

Обстоятельный обзор взглядов и источников, касающихся обязанностей, дан Б. С. Эбзеевым в его книге «Конституция. Демократия. Права человека». Он, в частности, проанализировал идеи и высказывания Гуго Гроция, Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локка, А. Эсмена, П. А. Гольбаха и др., справедливо считая, что «обращение к гносеологическим, историческим и конституционным истокам обязанностей человека и гражданина имеет существенное теоретико-познавательное и практическое значение»⁶. Действительно, в осмыслении нуждаются генезис, эволюция и дальнейшее развитие этих явлений. Совершенно очевидно, что институт обязанностей должен занять в юридической системе общества такое же место, как и институт прав.

В связи с этим особый интерес представляет работа С. Пуфендорфа «Об обязанностях человека и гражданина по закону естественному». Само

¹ См.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. С. 24, 35.

² Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 160.

³ Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства: пер. с франц. М., 1908. С. 102.

⁴ См.: Алексеев Н. Н. Обязанность и право // Русский народ и государство. СПб., 1998; Герваген Л. Л. Обязанность как основание права. СПб., 1908; Пуфендорф С. Об обязанностях человека и гражданина по закону естественному: пер. с нем. СПб., 1726.

⁵ См.: Цицерон М. Т. Указ. соч.; Гоббс Т. О гражданине. Избранные произведения. М., 1960.

⁶ Эбзеев Б. С. Конституция. Демократия. Права человека. М.; Черкесск, 1992. С. 64; см. также: Его же. Личность и государство в России: Взаимная ответственность и конституционные обязанности. М., 2007. С. 325.

название этого труда, как видим, говорит о том, что обязанности выводятся из естественного права и, следовательно, носят такой же естественный, природный характер, как и основные права. Значит, и отношение к ним должно быть такое же.

В свое время деятелей французской революции упрекали за то, что они провозглашенную ими Декларацию о правах человека и гражданина 1789 г. не дополнили Декларацией об обязанностях. Попытка восполнить этот пробел была предпринята позднее, в Конституции 1795 г., а затем в Конституции Директории 1848 г. В последнем документе закреплялись в виде обязанностей известные христианские заповеди: «не делайте другим того, чего бы не желали себе; делайте другим то благо, которое вы желали бы иметь от них; никто не может считаться гражданином, если он одновременно не добрый сын, не добрый отец, не добрый брат, не добрый муж, не добрый друг».

Затем была принята специальная Декларация об обязанностях, в которой говорилось: «Все обязанности человека и гражданина развиваются из следующих двух основных положений, запечатленных природою во всех сердцах: не причиняйте другому человеку того, чего вы не желали бы претерпеть от других; творите постоянно другим то благо, которое вы желали бы от них получить». И снова мы видим, что обязанности человека, как и его права, имеют естественное, а не государственное происхождение, что у них одни и те же исторические корни, уходящие не во власть, не в законы, а в реальную жизнь людей как разумных существ.

*(Окончание следует)**

Пристатейный библиографический список

1. Ильин, И. А. О сущности правосознания / И. А. Ильин; отв. за вып. Н. М. Мартынова, В. М. Подольский; сост. и авт. вступ. ст. И. Н. Смирнов. — М.: Рарогъ, 1993. — 235 с.
2. Конституционное право. Общая теория государства / пер. с франц. Л. Дюги; предисл. Л. Дюги, П. Новгородцева. — М.: Изд. Т-ва И. Д. Сытина, 1908. — 1000 с.
3. Коркунов, Н. М. История философии права : пособие к лекциям. — 5-е изд. / Н. М. Коркунов. — СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1908. — 456 с.
4. Монтескье, Ш. Избранные произведения : в 2 т. / Ш. Монтескье; под общ. ред. М. П. Баскина. — М.: Госполитиздат, 1955. — 799 с.
5. Эбзеев, Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности / Б. С. Эбзеев. — М.: Норма, 2007. — 384 с.

References

1. Il'in, I. A. O sushhnosti pravosoznaniya [About Essence of the Sense of Justice] / I. A. Il'in; otv. za vyp. N. M. Martynova, V. M. Podol'skij; sost. i avt. vstup. st. I. N. Smirnov. — M. : Rarog, 1993. — 235 p.
2. Jebzeev, B. S. Lichnost' i gosudarstvo v Rossii: vzaimnaja otvetstvennost' i konstitucionnye objazannosti [Identity and the State in Russia: Mutual Responsibility and Constitutional Duty] / B. S. Jebzeev. — M. : Norma, 2007. — 384 p.
3. Konstitucionnoe pravo. Obshhaja teorija gosudarstva [The Constitutional Law. General Theory of the State] / per. s franc. L. Djugi; predisl. L. Djugi, P. Novgorodceva. — M. : Izd. T-va I. D. Sytina, 1908. — 1000 p.

* Окончание статьи будет опубликовано в журнале «Правовая культура» № 1 за 2016 г.

4. Korkunov, N. M. Istorija filosofii prava : posobie k lekcijam. — 5-e izd. [History of the Philosophy of Law : a Handbook for Lectures. — 5th ed.] / N. M. Korkunov. — SPb. : Tip. A. S. Suvorina, 1908. — 456 p.

5. Montesk'e, Sh. Izbrannye proizvedenija : v 2 t. [Montesquieu, Ch. Selected works : in 2 Vols.] / Sh. Montesk'e; pod obshh. red. M. P. Baskina. — M.: Gospolitizdat, 1955. — 799 p.